

Е.Ю. Козьмина

ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА РОМАНА
А. И Б. СТРУГАЦКИХ
«ТРУДНО БЫТЬ БОГОМ»

В статье проводится сопоставление фантастического романа А. и Б. Стругацких «Трудно быть богом» с жанровым инвариантом классического исторического романа. Делается вывод о том, что роман Стругацких принадлежит к особой разновидности жанра исторического романа – фантастическому историческому роману.

Ключевые слова: Стругацкие, жанровый инвариант, исторический роман, фантастический роман.

Жанр романа «Трудно быть богом» практически не обсуждался в специальной литературе. Сами авторы назвали свое произведение романом, так же обозначает жанр «Трудно быть богом» Е.М. Неелов¹, а А.А. Урбан и С. Переслегин называют произведение повестью². Уточнения – какой именно тип романа или повести – в работах нам не встретилось.

Представляется, что интересующее нас произведение относится к жанру фантастического исторического романа. Собственно, задача статьи – доказать это положение, попутно отметив отличия фантастического и нефантастического вариантов исторического романа.

Чтобы доказательство было обоснованным и убедительным, необходимо сравнить «Трудно быть богом» с описанным в книге В.Я. Малкиной³ инвариантом классического исторического романа, а при сопоставлении отметить те особенности, которые возникли в силу того, что роман «Трудно быть богом» является фантастическим.

© Козьмина Е.Ю., 2012

Такое сопоставление фантастического произведения с инвариантом классического исторического романа кажется вполне обоснованным. Как заметил Г.И. Гуревич, «сплошь и рядом области фантастики ближе к смежной нефантастической литературе, чем друг к другу»⁴.

Главной особенностью исторического романа В.Я. Малкина считает сочетание историзма и «готического антропологизма». Под историзмом исследовательница, следуя за М.Г. Стеблин-Каменским, понимает «гипотезу нетождества», т. е. «предположение, что психология средневекового человека нетождественна психологии современного человека. То есть историзм появляется не тогда, когда замечается разница в образе жизни, быте и т. п., а тогда, когда осознаются отличия в человеческой психологии»⁵. Историзм в интересующем нас типе романа сочетается с «готическим антропологизмом», т. е. с изображением не только средневекового колорита, но и «этического конфликта и нравственной проблематики».

Другая особенность инварианта исторического романа прослеживается в речевой структуре произведения; здесь должно быть «соединение точек зрения различных эпох» и «присутствие исторической справки»⁶ как специальной композиционно-речевой формы.

На уровне сюжетной организации для исторического романа характерны авантюристичность, испытание героя, «соединение тем “войны и любви”», и все это – на фоне кризисной исторической эпохи.

В системе персонажей исторического романа прослеживаются «связь судьбы и позиции главного героя с меняющейся исторической ситуацией; наличие персонажей, противопоставленных друг другу, в качестве представителей разных социально-исторических и культурно-исторических сил»⁷.

Обратимся к роману «Трудно быть богом». Его действие происходит, как и в любом историческом романе, в переломное, кризисное время, время смены власти, государственного переворота, прихода к власти Святого Ордена. В «Трудно быть богом» это еще и условие для испытания теории, которую персонажи называют Проблемой Бескровного Вмешательства. Таким образом решается задача фантастического исторического произведения, которая не ставится нефантастическим вариантом жанра, – определение меры вмешательства в историю.

Проблема Бескровного Вмешательства дискутируется героями анализируемого романа: «Дон Румата горестно усмехнулся. – А пока мы будем выжидать да нацеливаться, звери ежедневно, ежеминутно будут уничтожать людей. – Антон, – сказал дон Кон-

дор. – Во Вселенной тысячи планет, куда мы еще не пришли и где история идет своим чередом. – Но сюда-то мы уже пришли! – Да, пришли. Но для того, чтобы помочь этому человечеству, а не для того, чтобы утолять свой справедливый гнев»⁸ [С. 32].

Несогласие дона Руматы с Базисной теорией феодализма и Проблемой Бескровного Вмешательства выражено не только в сюжете и диалогах героев, но и прослеживается в конструировании особых частей повествования. Так, например, во фрагменте размышлений героя во время ночного дежурства, который мы можем определить как несобственно-прямую речь со сближающимися в ней голосами дона Руматы и повествователя, где в то же время в голосе Руматы выделяются обозначаемые кавычками «чужие» мысли, принадлежащие обобщенному образу землянина-коммунара: «С огромной силой он вдруг почувствовал, что никакой он не бог, берегающий ладонями светлячков разума, а брат, помогающий брату, сын, спасающий отца. “Я убью дону Рэбу”. – “За что?” – “Он убивает моих братьев”. – “Он не ведает, что творит”. – “Он убивает будущее”. – “Он не виноват, он сын своего века”. – “То есть он не знает, что он виноват? Но мало ли чего он не знает? Я, я знаю, что он виноват...”» [С. 106]. Кавычки при оформлении собственной и чужой речи подчеркивают противоположность голосов Руматы и землян-коммунаров друг другу.

Для исторического времени – основного типа времени в историческом романе – свойственны категории случая и необходимости, которые позволяют связать между собой волю героя и уже осуществившиеся исторические события⁹. В романе «Трудно быть богом» особое соотношение этих категорий. Как таковой исторической необходимости в романе нет, здесь изображена история не земная, а инопланетная, а герои не возвращаются в прошлое, а лишь оценивают инопланетное настоящее с точки зрения земного прошлого и будущего. Роль исторической необходимости играет Базовая теория феодализма, которая подвергается в романе экспериментальной проверке. С точки зрения героя – дона Руматы – реальность, в которой он оказывается, не соответствует Базовой теории, и это несоответствие особенно ярко выражено в сопоставлении придумываемых Руматой страниц учебника по истории для арканарских детей будущего и картин реальной жизни Арканара: «“...В конце года Воды – такой-то год по новому летоисчислению – центробежные процессы в древней Империи стали значимыми. Воспользовавшись этим, Святой Орден, представлявший, по сути, интересы наиболее реакционных групп феодального

общества, которые любыми средствами стремились приостановить диссипацию...” А как пахли горящие трупы на столбах, вы знаете? А вы видели когда-нибудь голую женщину со вспоротым животом, лежащую в уличной пыли? А вы видели города, в которых люди молчат, а кричат только вороны? Вы, еще не родившиеся мальчики и девочки, перед учебным стереовизором в школах Арканарской Коммунистической Республики?» [С. 124]. После государственного переворота, осуществленного доном Рэбой, дон Румата иронически заявляет: «В полном соответствии с базисной теорией феодализма... это самое заурядное выступление горожан против баронства... вылилось в провокационную интригу Святого Ордена и привело к превращению Арканара в базу феодально-фашистской агрессии. <...> Последствия этого для Запроливья, а затем и для всей Империи я просто боюсь себе представить. Во всяком случае, вся двадцатилетняя работа в пределах Империи пошла насмарку» [С. 154–155].

Как любое фантастическое произведение XX в., роман «Трудно быть богом» экспериментален. Эксперименту подвергается теория исторического развития, сама история, а главное – человек в этой истории. Антон-Румата говорит: «Это Эксперимент надо мной, а не над ними» [С. 127]. Испытание, которому подвергается землянин-коммунар в Арканаре, формулирует дон Кондор: «Вот что самое страшное – войти в роль. В каждом из нас благородный подонки борется с коммунаром. И все вокруг помогает подонку, а коммунар один-одинешенек – до Земли тысяча лет и тысяча парсеков» [С. 32–33]. «Вхождение» в роль «благородного подонка» происходит систематически и изображается в отношении не только Руматы, но и других персонажей-землян. Уже в эпизоде встречи Руматы с Пашкой (доном Гугом) и Александром Васильевичем (доном Кондором) герой отмечает независимый от его воли автоматизм исполнения роли, которую он играет на планете: «Румата вскочил, едва не опрокинув скамью. Он готов был броситься, обнять, расцеловать его в обе щеки, но ноги, следуя этикету, сами собой согнулись в коленях, шпоры торжественно звякнули, правая рука описала широкий полукруг от сердца и в сторону, а голова нагнулась так, что подбородок утонул в пенно-кружевных брыжах» [С. 29–30]. То же происходит и с Пашкой, и с Александром Васильевичем: «И снова Румата сделал движение броситься и обнять, потому что это же был Пашка, но дон Гуг вдруг подобрался, на толстощекой физиономии появилась сладкая приторность, он слегка согнулся в поясе, прижал шляпу к груди и вытянул губы дудкой.

Румата вскользь поглядел на Александра Васильевича. Александр Васильевич исчез. На скамье сидел Генеральный судья и Хранитель больших печатей – раздвинув ноги, уперев левую руку в бок, а правой держась за эфес золоченого меча» [С. 34]. Следующий важный сюжетный эпизод испытания – попойка с бароном Пампой, во время которой Румата выходит из всех рамок: «Он не мог стать Руматой Эсторским... Но он больше не был и коммунарком. У него больше не было обязанностей перед Экспериментом. Его заботили только обязанности перед самим собой» [С. 81]. Другой эпизод испытания – приход к Кире, во время которого Румата ощутил себя «наглым и подлым хамом голубых кровей» [С. 82]. Завершается испытание после смерти Киры «средневековым зверством» дон Руматы.

Тем не менее это лишь одна из граней испытания героя в романе. В условиях реальной жизни в феодальном Арканаре проверяется личная причастность героя либо к той жизни, которая его окружает, либо к жизни Земли и ее гуманистическим установкам. Сюжет романа выстроен как цепь все усложняющихся испытаний героя на эту причастность. Характерно, что при всем неприятии Руматой истории Арканара он совершает побоище лишь тогда, когда укореняется в Арканаре, обретает семью (Кира), дружескую привязанность к мальчику Уно и барону Пампе, т. е. личную и кровную причастность к жизни Арканара.

Примечательно, что такой выбор совершает не один только Румата. В разговоре по поводу событий в Арканаре дон Кондор, например, укоряет Румату в том, что «надо было убрать дон Рэбу. <...> Убить! Похитить! Сместить! Заточить!» [С. 155]. Не случайны и упоминания внесценических персонажей, не выдержавших испытания в роли богов; этих персонажей дон Кондор называет «спринтерами с коротким дыханием» [С. 33].

Таким образом, в соответствии с инвариантом классического исторического романа мы можем отметить в «Трудно быть богом» соединение двух тем – «войны» и «любви», общественной и частной жизни героя.

Использованная в романе циклическая сюжетная схема, основанная на двоемирии и реализующая сюжет испытания героя, позволяет сопоставить Антона до его работы на другой планете и после. Метаморфоза, произошедшая с героем, выражена косвенно, без внешних изменений («Ничего в нем не изменилось...» [С. 161], при помощи сопоставления испачканных соком земляники (как бы обогранных кровью) рук Антона, что еще раз подчеркивает мысль

о «кровной причастности» героя к чужой жизни и в смысле обретения родства, и в смысле лишения жизни жителей Арканара.

Здесь необходимо сделать отступление, касающееся различения таких жанров, как роман или повесть. Сущностные характеристики жанра повести – циклическая сюжетная схема и «ситуация испытания героя и поступок как результат этического выбора, принцип обратной (“зеркальной”) симметрии в расположении важнейших событий»¹⁰, казалось бы, как нельзя лучше подходят к «Трудно быть богом». Однако другие признаки повести – «в структуре “события самого рассказывания” – нерефлектируемый его характер, предпочтение временной дистанции, оценочная направленность повествования на этическую позицию героя и возможность авторитетной резюмирующей позиции <...> в аспекте “зоны построения образа” героя – соотнесение героя и его судьбы с известными образцами поведения в традиционных ситуациях»¹¹ – не являются характеристиками интересующего нас произведения. Напротив, в романе мы видим рефлексирующего героя, с чьей точки зрения и показаны события, а ценностная неоднозначность его выбора позволяет говорить об отсутствии «образца поведения в традиционных ситуациях». Поэтому правильнее сказать, что «Трудно быть богом» – все же роман, а не повесть.

В этой связи можно говорить и о проявлении в романе такой характеристики классического исторического романа, как соединение историзма и «готического антропологизма» (раскрытие этих понятий см. выше).

Один из важных признаков нефантастического исторического романа – взаимоосвещение исторических эпох. В этом смысле в «Трудно быть богом» важны такие композиционно-речевые формы, как исторические справки и комментарии, которые обычно даются в кругозоре повествователя из времени, близкого автору и читателю. В романе тоже есть такие фрагменты, но они даны в кругозоре Руматы.

Система персонажей в «Трудно быть богом» построена, как в классическом историческом романе. Здесь есть те, кто осуществляет государственный переворот (во главе с доном Рэбой), жители Арканара и земляне-коммунары. Важно отметить тот факт, что герой оказывается одновременно принадлежащим как Арканару (в том числе и государственной знати), так и землянам. В этом проявляется особое строение образа героя в фантастическом произведении, о котором писал Е.Д. Тмарченко: «ее (социально-философской научной фантастики. – Е. К.) центральные герои

находятся в весьма парадоксальном положении: они одновременно принадлежат двум взаимоисключающим мирам, живут на границе между ними»¹². Такое пограничное положение героя и есть возможность и условие для его испытания, для осуществления им своего этического выбора.

Теперь мы можем подвести некоторые итоги. «Трудно быть богом» – это действительно исторический роман в его фантастическом варианте. «Фантастичность» произведения трансформирует жанр, вносит в него изменения, касающиеся самых разных аспектов.

Так, если в классическом историческом романе чужим для читателя изображается только время, то в «Трудно быть богом» – и время, и пространство. Как и в классическом романе, базовым типом времени является историческое время, однако фантастические исторические романы имеют принципиальное отличие от нефантастического варианта в том, что сюжет в них строится на возможности вмешательства в ход истории. Таким образом решается еще одна задача фантастического исторического произведения, которая не ставится нефантастическим вариантом жанра, – определение меры вмешательства в историю. Это может быть его полный запрет (как в новелле «И грянул гром» Р. Брэдбери), а может быть сознательное изменение истории (роман В. Гиршгорна, Б. Липатова, И. Келлера «Бесцеремонный роман»). Промежуточные варианты допускают стимулирование истории, как в «Конных варварах» Г. Гаррисона или в «Трудно быть богом», или незначительные изменения в истории под строгим контролем, как в «Патруле времени» П. Андерсона.

Экспериментальность фантастического исторического романа основывается на испытании идеи и человека; при этом выбор героя оказывается неоднозначным, не соответствующим каким-либо традиционным образцам.

Примечания

- ¹ Неелов Е.М. Волшебно-сказочные корни научной фантастики. Л., 1986.
- ² См., например: Урбан А.А. Фантастика и наш мир. Л., 1972; Переслегин С. Возвращение к звездам: Фантастика и эволюция. М., 2010.
- ³ Малкина В.Я. Поэтика исторического романа: Проблема инварианта и типология жанра. Тверь, 2002.
- ⁴ Гуревич Г.И. Беседы о научной фантастике. М., 1983. С. 39.
- ⁵ Малкина В.Я. Указ. соч. С. 17.

Жанровая специфика романа А. и Б. Стругацких «Трудно быть богом»

⁶ Там же. С. 74.

⁷ Там же.

⁸ Здесь и далее ссылки на роман «Трудно быть богом» даются по изданию: *Стругацкий А., Стругацкий Б.* Трудно быть богом: Роман. Понедельник начинается в субботу. Второе пришествие марсиан: Повести. М.: Текст: ЭКСМО, 1997. С. 5–162. Далее все ссылки на это издание даются в тексте с указанием номера страницы.

⁹ *Тамарченко Н.Д.* Историческое время // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. М., 2008. С. 88.

¹⁰ *Тамарченко Н.Д.* Повесть прозаическая // Там же. С. 169.

¹¹ Там же. С. 169–170.

¹² *Тамарченко Е.Д.* Мир без дистанций // Вопросы литературы. 1968. № 11. С. 101.